

АЛЛА
ХОЛОД

**ЗЛАЯ
ШУТКА**

ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Алла Холод
Злая шутка
Серия «Психология преступления.
Детективы Аллы Холод»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68385329

Злая шутка: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-176529-3

Аннотация

Травма помешала Ксении посетить торжество в честь дня рождения ее отца, а там случился страшный скандал: невеста юбиляра прилюдно изменила ему с его собственным сыном Стасом! После этого любовники бесследно исчезли, но Стаса вскоре нашла полиция – мертвым. Причиной его смерти стал наркотик, но Стас никогда ничего не употреблял! Ксения уверена, что ее брата убили. Она ищет преступника и узнает: в городе уже был подобный трагический случай. Хорошей девочке из приличной семьи кто-то подсунил наркотик, под действием которого она выбросилась из окна и погибла...

Алла Холод – профессиональный журналист. Драматические истории, положенные в основу сюжетов ее книг, придуманы, но далеко не фантастичны. Они о людях, живущих в современной России, не хороших и не плохих – сложных, раздираемых

страстями, порой беспомощных перед обстоятельствами и поворотами судьбы, но неизменно ярких и сильных личностях.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	68
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Алла Холод

Злая шутка

© Холод А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Почему, когда не надо никуда спешить, просыпаешься так рано? В тот день сон улетучился около семи утра, я честно предприняла несколько попыток его вернуть, но все было бесполезно. Почему, когда мне нужно на утреннее заседание, я ни за что не встану сама, без будильника? А когда все-таки встану, буду бухтеть себе под нос, что ненавижу быструю еду, фен, спешку, пробки, сонных секретарей и опоздания судей. И вообще утро я терпеть не могу. Но, если мне спешить некуда, я обязательно просыпаюсь чуть свет и бессмысленно пялюсь в потолок. Какого черта, можете мне объяснить?

Травма открыла передо мной перспективы довольно долгого утреннего безделья. Ну потом-то, среди дня, я работала по мелочи – составляла исковые заявления, писала апелляционные жалобы, консультировала по видеосвязи постоянных клиентов. Но время дня для этой работы ввиду своей немогущности я уже выбирала сама, как мне было удобно.

На людях я, конечно, не упускала случая посетовать на то, как травма отягощает жизнь, как не вовремя она свалилась мне, слава богу, хоть не на шею, а только на ногу, как невыносимо находиться в четырех стенах активному человеку, которого ждет прорва работы. «На людях» – это значит в телефонных разговорах с коллегами, подружками, прияте-

лями, родственниками и частично с мамой, которой прививать было трудно, ибо свою единственную дочь, то есть меня, она видит насквозь. От желающих лично провести больную я пока что виртуозно уворачивалась.

На самом деле вынужденное домоседство меня вовсе не тяготило. Я устала, мне требовался хоть какой-то отдых. Конечно, своему дивану я предпочла бы лежачок на меленьком нежном песочке где-нибудь в районе Плайя-де-Пальма, но поскольку о Майорке речь даже не шла, то и мечтать о ней было нечего. Травма мне почти не мешала. Это ведь не пневмония с ее абсолютным бессилием и удушающим кашлем, лишаящим сна, не какие-нибудь жесткие выкрутасы желудочно-кишечного тракта, при которых толком ни поесть, ни попить... Нога надежно упакована в гипс, если ее не кантовать, то болей нет и беспокойства она не доставляет. А день длинный, и, если не тратить его на дорогу, ожидание того-сего и магазины, можно много чего успеть: и поработать, и почитать, посмотреть какое-то кино, попить кофе со сливками или чай с брусникой, поболтать с мамой по телефону, а когда приедет – помочь ей на кухне. Она правда все время твердила, что одноногие помощницы ей без надобности, но я старалась не злоупотреблять. Хотя я понимала, что для мамы приготовить мне что-нибудь вкусненькое в радость: когда это она так часто видела свою безумно занятую, загнанную как лошадь дочь? Мой гипс обеспечивал ей возможность ви-

деть меня даже чаще, чем мне бы того хотелось, но и мне он тоже давал некие преимущества.

Во-первых, горизонтальное положение позволило мне на законных основаниях отлынивать от дела, взяться за которое очень просил отец. Приблизиться к этому делу мне не хотелось, поскольку оно было круто замешано на региональной политике, и все его участники еще вчера относились к властному бомонду. Общаться с ними у меня не было ни малейшего желания, я предпочитаю клиентов, которые доверяют своему адвокату и честны с ним, как со своим лечащим врачом. Однако отказывать отцу было нельзя. Невозможно объяснить почему, просто нельзя, и все.

Еще одно преимущество моего горизонтального положения заключалось в том, что оно позволяло избежать лично-го присутствия на 55-летию родителя, которое, кстати, должно было состояться вчера. Просто не прийти опять же было нельзя. Так уж принято в нашей семье. Отец считал, что любое сказанное им слово имеет силу закона, даже если в момент его произнесения на судье была не мантия, а домашние спортивные штаны. Я знаю, что имелись на этот счет и другие мнения, которые просто не высказывались вслух. Члены семьи жили так, как считают нужным, просто отцу это свое право предпочитали не доказывать. Зачем? Мне не хотелось идти на праздник, потому что я не жаждала видеть своих напыщенных деда и бабу, которым я была обязана только одним – своим статусом ребенка, рожденного в законном бра-

ке. В дальнейшем равнодушие, которое они демонстрировали по отношению к моей персоне, не нуждалось ни в каких комментариях. Они просто меня не любили. Повзрослев и осознав это, я стала платить им той же монетой.

Насчет семьи это я, конечно, загнула. Полноправным членом нынешней семьи своего отца я никогда и не была, а та, в которой нас было трое – мама, папа и я, просуществовала совсем недолго, и я знаю о ней только по рассказам, ибо сама тогда была младенцем. Мои родители поженились, будучи студентами юридического факультета, с одной-единственной целью: чтобы я появилась на свет на законных основаниях. О любви между ними и речь не шла, они, строго говоря, даже не были парой. Просто вращались в одной компании, вместе проводили время, периодически веселые вечеринки заканчивались для них в одной кровати. Никто не придавал этим отношениям значения, пока мама не почувствовала первые признаки беременности. Будущий папаша рассказал обо всем своим родителям, то же самое пришлось сделать и маме. Старшие посоветовались и решили, что рожать ребенка вне брака нельзя, неправильно это. Брак зарегистрировали и молодых поселили вместе, чтобы они честно попробовали: а вдруг что-то получится? Например, любовь возникнет? Или семья сложится? Ничего не получилось, не возникло, не сложилось, и через несколько лет мои родители, окончательно устав от общества друг друга, тихо-мирно разошлись. Они не говорили дурно друг о друге, но и друж-

бы между ними не возникло. Они просто не общались. Мама не стала больше выходить замуж, на мои вопросы отвечая всегда одинаково: «Я там уже была, с меня хватит». Или так: «А разве нам вдвоем плохо?» Мне было хорошо, ей – не знаю. Какие-то мужчины у мамы были, но встречалась она с ними лишь эпизодически и на их территории. И только когда я стала взрослой, она решилась на серьезные отношения с одним очень приятным человеком, хорошим доктором, и переехала к нему жить, оставив меня самостоятельно устроить свою собственную судьбу, за что я была ей очень благодарна.

Пока я была маленькой, отец обременял меня своим вниманием не часто – на день рождения и на Новый год. Он женился на красавице, активно делал карьеру в прокуратуре, готовился стать судьей, воспитывал сына. Потом в семье отца произошло несчастье: пышущая здоровьем, полная жизненных сил женщина, его жена, нелепо и трагически погибла под колесами автомобиля, которым управлял вдребезги пьяный водитель. Сближение с отцом произошло после того, как я сказала, что буду поступать на юрфак. Мне показалось, что именно тогда он, законник до мозга костей, впервые почувствовал себя отцом по-настоящему, а во мне увидел не просто ребенка, в котором не сильно нуждался, не просто милую девочку Ксюшу, перед которой нужно изображать папу, а продолжателя семейной традиции. Со мной уже не надо было сюсюкать, зато появились темы для разговоров.

Короче, он меня зауважал, мы стали часто общаться. Тем более что его младший сын – и, соответственно, мой сводный брат – Стасик о юриспруденции даже слышать не хотел, чем очень огорчал отца. Он рос, кстати, славным мальчиком, смешливым, озорным, может быть, даже шkodным, но при этом унаследовал удивительную, нежную красоту своей матери, за которую ему прощались все его шуточки, каверзы и иные прегрешения. Я легко полюбила это создание, в котором самым непостижимым образом цепкий ум сочетался с детской наивностью, а проницательность зрелого человека – с мальчишеской бесшабашностью и легким отношением к жизни. Стасик вырос остроумным, живым мальчиком, имел острый язычок и цепкие коготки, но умел быть ласковым и трогательным, как новорожденный котенок. Неожиданно для всех он подался в бизнес, связанный со сферой развлечений, а точнее, организацией праздников, корпоративных мероприятий и частных вечеринок. Отцу это не нравилось, но Стасик начал зарабатывать деньги, отчего настоячивые просьбы оставить его в покое стали звучать все более убедительно.

Я сделала себе чашку капучино и стала поглядывать на часы, прикидывая, удобно ли звонить отцу, чтобы расспросить о том, как прошло вчерашнее торжество. Стасику звонить точно не стоит, он спит допоздна. Было еще рано. И после второй чашки тоже будет еще рано. Гости, конечно же, разошлись за полночь – неужто Стасик не сумел бы развлечь

публику, пусть даже и самую чопорную?

Насчет чопорности вчерашнего собрания я, впрочем, была не очень уверена. Я знала, что отец отметил свой праздник в кругу коллег неделю назад в хорошем ресторане, и официальные лица были приглашены именно туда, а на вчерашний вечер планировалось мероприятие более легкого формата, расслабленное, семейно-дружеское. Если бы не необходимость созерцать там деда с бабушкой, я бы не стала от него отлынивать. К Инге, папиной будущей жене, я относилась вполне лояльно, недолюбливать ее у меня просто не было причин. Мою маму ради нее отец не бросал, совместную жизнь одной семьей не навязывал. С Ингой мне делить было решительно нечего. Это Стасику придется, если, конечно, он не надумает отделиться, жить под одной крышей с мачехой, которая всего на пару лет старше его, и это Стасик мог ревновать отца к памяти своей погибшей матери. Стасик мог не верить в искренность чувств молодой красивой женщины, очень удачно прибившейся к влиятельному небедному человеку с положением в обществе. Хотя я от него жалоб на Ингу ни разу не слышала. И вообще Стасик, как я уже успела упомянуть, легкий мальчик, он не любит отягощать ни свою, ни чью-то еще жизнь лишними переживаниями. Я только однажды спросила его, как он относится к Инге, ладит ли с ней. В свойственной ему манере он ответил:

– Главное, чтобы отец с ней ладил, мне-то что. Не мне же с ней спать.

Через пару минут, видимо, постеснявшись собственного безразличия, добавил:

– Она не вредная, не хищная, не глупая. Но самое главное, она не колет ботекс и не ходит к пластическим хирургам. Так что пусть он женится, я не против.

Как только я отковыляла в сторону кухни подальше от прикроватной тумбочки, где остался мой телефон, аппарат громко заиграл марш горного короля из «Пер Гюнта». Кто бы это мог быть? Я бросила взгляд на часы в прихожей: еще не было и девяти утра. В обычный день звонки в такое время отнюдь не были редкостью, но сейчас мне никто не звонил так рано, все, видимо, считали, что моя плюсовая кость ни за что не срастется, если ее так рано будить.

– Не спишь? – прозвучал в трубке постоянный вопрос всех полуночников и любителей звонить в неурочное время.

– Уже нет, – спокойно ответила я. – Неужели пожар?

– Хуже. Вставай, жди меня, я скоро буду.

– Вообще-то я еще даже не умывалась, – попыталась отбиться я, хотя и понимала, что это тщетно.

– Пока я доеду, умоешься. Потом будет не до того.

Столь бесцеремонное поведение я могла позволить только одному человеку – моей подруге детства, а потом и однокурснице Тае Кутиевой. Я ее знаю столько, сколько помню саму себя, потому что мы жили в одном доме, ее родители были однокурсниками моей мамы (и отца – соответственно), дружили с незапамятных времен, а потом всю жизнь враща-

лись в одной юридической тусовке. Между нами с Тайкой ни условностей, ни церемоний нет. В студенческие годы Тая могла явиться к нам в половине третьего ночи, зная, что мама вряд ли воспримет ее визит в негативном ключе, и заявить, давась рыданиями:

– Ксюха, я никогда его не любила! Я только сейчас это поняла! На что я потратила полгода своей жизни!

Я старалась не остаться в долгу. Я могла, например, излишне впечатлившись ночным просмотром «Крестного отца», утянуть домашний телефон в кухню, чтобы мама не проснулась, набрать номер и сказать:

– Ты знаешь, Тайка, все-таки Аль Пачино самый красивый мужчина в мире.

– Он слишком маленький, – спросонья заявила тогда она.

– Не беда, тебя он в компанию не приглашал, а мне бы подошел и таким, какой есть.

– Ладно, – зевнув, легко соглашалась Тая почти в три часа ночи, – я не возражаю.

Мы с ней любили друг друга иррациональной любовью. У нас было много несовпадений во взглядах на профессию и на жизнь, но по-взрослому мы никогда не спорили, это было залогом сохранения наших уникальных отношений, мы обе понимали это, хотя и никогда не произносили ничего подобного вслух.

То, что Тая заявила о чем-то, что хуже пожара, меня не слишком удивило: никогда не знаешь, что в данный момент

могло так всколыхнуть ее впечатлительную натуру. Я ждала ее без всякого плохого предчувствия. Оказалось, напрасно.

Тайка ввалилась ко мне минут через сорок в крайней степени возбуждения – признак того, что она принесла какие-то новости. Однако по напряженному выражению ее лица, по тому, как старательно она отводила взгляд, мне стало понятно, что эти новости не из разряда радостных. Лицо у нее было довольно помятое. Сперва я подумала, что моя подруга этой ночью попала в какую-то переделку, но не стала задавать никаких вопросов – сейчас сама расскажет, иначе зачем приперлась в такую рань?

Тая не спешила, вернее, никак не могла начать. Полезла было в холодильник, но я обратила ее внимание, что бутерброды уже на столе, она окинула их невидящим взглядом и достала из пакета свежие круассаны, которые захватила где-то по дороге. В холодильнике ее интересовало другое: нет ли у меня случайно сливок?

– Ладно, – наконец изрекла она, – все равно когда-то придется рассказать. Что-то мне не по себе.

– Похмелье? – кратко осведомилась я.

– Совсем чуть-чуть, – ответила Тая, – а так просто почти всю ночь не спала. Ладно, ты все равно узнаешь, пусть лучше от меня...

– Да что случилось-то? – наконец не выдержала я.

– Вчерашний праздник у твоего отца закончился полной

катастрофой, – выпалила она.

– Я надеюсь, все хотя бы живы?

– Живы-то, может, и живы... – уклончиво промямлила

Тая, – но там полный ужас.

– Ты всегда умела толково и доходчиво ввести в курс дела, – съехидничала я.

– Я расскажу. Толково и доходчиво. Все, что знаю.

– Ты что, была у отца? Почему мне не сказала?

– Ты с ума сошла! Я бы сказала! – возмутилась Тайка. – Разве я от тебя когда-то что-то скрывала?

– Откуда же ты знаешь, что там было? Время-то еще раннее, – я выразительно взглянула на часы.

– Мир не без добрых людей, я еще ночью все знала, звонить не хотела.

– Это трогательно.

Тая была права. Юридический мир только кажется таким обширным. На деле же он, несмотря на многолюдность, тесен до крайности, все в нем связаны какими-то узами, все кем-то кому-то приходится: учителями или учениками, однокурсниками, бывшими сослуживцами, сегодняшними коллегами, женами-мужьями, близкими или дальними родственниками, бывшими или нынешними любовниками-любовницами, друзьями, деловыми партнерами, собутыльниками или просто приятелями.

– На самом деле там все совсем не смешно, – начала Тая.

Неофициальное празднование своего торжества мой отец, Михал Михалыч Кондрашов, решил устроить дома. Без лишних гостей, только ближним кругом, без пыли в глаза, помпы и роскоши, которая никак не монтируется со статусом председателя районного суда. Михал Михалыч, к своему счастью, обладал редким для нынешних ответственных государственных деятелей чувством меры. У него имелся хороший дом, тщательно ухоженный и отделанный с большим вкусом. Достаточно просторный и элегантный, чтобы в него не стыдно было приглашать гостей человеку его положения, и вместе с тем не похожий на визитную карточку судьи, у которого сразу же хочется спросить прејскурант на его услуги.

Садик за домом вообще был таким чудесным, будто находился не в центральной части миллионного города, а где-нибудь в благодатной тишине загородной усадьбы. На лужайке позади дома и собирались накрыть праздничные столики. Пока моя сломавшаяся плусневая кость не обеспечила мне неожиданный больничный и предполагалось, что я буду присутствовать на торжестве, Инга то и дело звонила посоветоваться. Некоторое время назад я была на подобной вечеринке и очень хвалила какой-то гриль-кејтеринг – какой именно? Я знала, у кого именно можно заказать настоящую ягнятину – не поделюсь ли номером телефона? Мои советы ей требовались постоянно, хотя в доме имелся профессионал по части организации праздничных вечеров. Какое вино лучше? И стоит ли охлаждать красное? Это, конечно,

не положено, но ведь лето и многие любят прохладное вино. Я должна была оценить новые ротанговые полукреслица для сада, в которых будут сидеть гости, присоединиться к окончательному обсуждению меню. Высказать свое мнение по поводу дресс-кода для гостей, для чего нужно было решить, как позиционировать вечеринку: как светское мероприятие или как хоть и праздничный, но все же пикник? На гирляндах я сломалась. И в переносном смысле, и в прямом. Я понимала, что Инге, как будущей хозяйке дома, не хотелось сплеховать, а посоветоваться было не с кем: собственные подружки, видимо, не годились, так как не знали вкусов и пристрастий Михал Михалыча, с друзьями будущего мужа она не была знакома, а если кого и знала, то шапочно. Оставались Стасик и я. К тому же мы с Ингой были в одной возрастной категории, так что на роль советчицы я подходила идеально. В общем, подготовка к празднику была основательной, и я даже представить себе не могла, что там пошло не так.

Тая заверила меня, что в смысле организации, меню и прочего все как раз было на высоте. Праздник устроили в субботу, так что опоздавших по уважительным причинам не было, а просто так на торжество к Кондрашову никто опаздывать бы не стал, так что гости собрались вовремя. Как и планировалось, был только избранный круг: папины родители (то есть мои дед-фанфарон со своей напудренной бабкой), кое-кто из близких друзей, кое-кто из коллег, с кем от-

да связывали не только рабочие, но и добрые человеческие отношения. Парочка приятелей Стасика, которым отец охотно покровительствовал. Меню было изысканное, но без излишеств. Черной икры и крабов не подавали, но гостей угощали достойно: на огне жарили ягнятину, розовую форель, крупных креветок и разнообразные овощи, на столах красовались блюда со свежими салатами, говяжьими языками, холодными перепелками с чесноком. Французские вина и хороший виски, фрукты и свежие ягоды. В общем, все как в лучших домах. Стасик организовал джазовый квартет. Дамы были в нарядных платьях, но Инга, к плохо скрываемому удовольствию Михал Михалыча, затмила всех. Молодая, свежая, гибкая, она умела быть эффектной даже в джинсах и белой рубашке, но ради праздника будущего мужа она постаралась выглядеть впечатляюще. Инга красивая женщина. У нее длинная шея, лучистые серые глаза, необычное, запоминающееся лицо без малейшего намека на накладные ресницы и модные салонные брови. Никаких уколов красоты Инга тоже не признавала, она источала естественную прелесть очаровательной, уверенной в себе женщины. Даже цвет волос у нее был натуральный, такой, что и закрашивать-то грех – редкого соломенного оттенка. В доме отца она появилась года полтора назад, причем привел ее Стасик, у которого по какому-то случаю собралась на шашлыки довольно разношерстная компания. Ингу он и сам до того не знал, она оказалась подружкой чьей-то подружки – Стасик общительный

мальчик и любит пестрые, интересные компании. Разумеется, Михал Михалычу среди его друзей делать было нечего, но он на правах хозяина все-таки поприветствовал молодых людей, которые расположились в садовой беседке, ожидая, пока пожарится мясо. В день помолвки – то есть семейного ужина, когда отец и Инга сообщили о своем решении, – Михал Михалыч признался, что обратил внимание на Ингу сразу, как только ее увидел. Она с первого взгляда поразила его своей естественностью и непосредственностью, красотой и хорошими манерами. Одним словом, имела место любовь с первого взгляда. Инга мгновенно почувствовала заинтересованность во взгляде большого человека, откликнулась... В общем, отец в тот вечер вкушал шашлыки вместе с молодежью, показывал девушке сад, хвастался своими кошками и выводком котят, они долго разговаривали. Ну а потом все пошло как-то само собой. К 55-летию будущего мужа Инга приобрела потрясающее платье – серо-серебристое, шелковое, с вставками из кружев более темного оттенка. Платье было узким в талии, открывало безупречную шею и гибкую спину, нижняя его часть спадала свободными фалдами. За пару недель до торжества, на котором отец собирался представить Ингу гостям как будущую жену, она показывала мне ожерелье, которое собиралась надеть с новым платьем. Нитка черного жемчуга, впереди – подвеска с жемчужной капелькой, прикрепленной к нитке бриллиантом. В наличии вкуса девушке трудно было отказать.

Можно было не сомневаться, что Инга предстанет перед гостями в своем самом выигрышном виде, и ей действительно удалось блеснуть, Михал Михалыч был более чем доволен, просто счастлив. Связь с моей мамой нельзя было даже с натяжкой назвать романом, я появилась на свет только потому, что они оба были слишком легкомысленны и слишком усердно потакали своим гормонам. Это была даже не ошибка, а просто времяпровождение, последствий которого они по глупости почему-то не предвидели. Маму Стасика мой отец полюбил по-взрослому, осознанно и, видимо, всей душой. Они жили счастливо, и когда с Екатериной Сергеевной случилось несчастье, отец надолго замкнулся, ушел с головой в работу. На какое-то время он как будто заledenел. Тогда же – совпадение это или нет – он стал уделять больше внимания мне, активнее интересоваться моей жизнью и моими делами. Может, у него просто стало больше времени, может, место в сердце освободилось, но, скорее всего, близко познакомившись со смертью, проводив любимую жену в другой мир, папа начал испытывать страх за тех близких, которые остались по эту сторону. Он стал бояться их потерять. Он был рад, что у нас со Стасиком установились теплые, родственные отношения, и не было похоже, что он нуждается в ком-то еще. Он не искал женщину, и уж точно не искал Ингу. Но, когда она появилась, отец стал чаще улыбаться, у него проснулся интерес ко многим вещам, к которым он давно стал безразличен. Он весь как-то подтянулся, по-

худел, помолодел, модно подстригся, обновил гардероб, стал еще импозантнее, чем был раньше. Я с некоторым скепсисом отношусь к стареющим мужчинам, которые женятся на женщинах много моложе себя, но в данном случае я была только рада. Во-первых, Михал Михалыч даже в свои пятьдесят пять продолжает оставаться интересным мужчиной: у него породистое правильное лицо, небольшая благородная седина в смоляных волосах, величественная осанка человека, привыкшего зачитывать вердикты. Он похож на римского патриция, даже нос с небольшой горбинкой соответствует этому образу. Во-вторых, он умен и широко образован, с ним интересно разговаривать. Кроме того, отец щедр и приятен в общении. Его было за что полюбить. Если бы мне встретился мужчина, обладающий такими качествами, вряд ли бы я думала о разнице в возрасте. Одним словом, в холодном расчете я Ингу не подозревала, в конце концов папа – не миллиардер, хотя, конечно, зарабатывает, как все судьи, хорошо, имеет отличный дом, связи, статус...

Но я отвлеклась. Тая тем временем благополучно миновала твердую почву первой части праздничного банкета, на которой уверенно себя чувствовали нарядные веселые гости и хозяева. После основной части великолепного угощения слушали музыкантов, танцевали, рассказывали юридические байки и просто беззаботно болтали. Ни слова о ковиде, угрозах новых санкций, инфляции. В общем, все шло так, как и должно быть на хорошем, удавшемся банкете. Ин-

га быстро со всеми перезнакомилась и, судя по всему, успела произвести на друзей отца явно благоприятное впечатление. Стасик с приятелями устроился в беседке играть в карты. Незаметно наступил вечер, кульминацией которого должен был стать какой-то особенный сюрприз, по всей видимости, музыкальный. Стас предлагал было какой-то интересный фейерверк, но отец наотрез отказался, даже обсуждать не стал. «Я судья, а не директор рынка, к чему такая помпа?» – сказал он, и тему закрыли. Стасик только пожал плечами, но судя по софитам, расставленным перед террасой, что-то более подходящее отцовским представлениям он все-таки придумал. На десерт заказали какие-то невероятные корзиночки со свежими ягодами и взбитыми сливками, на столах в маленьких вазочках появился какой-то особенный фруктовый мусс. В саду загорелись гирлянды, темнело. Банкет настолько хорошо удался, что никому не хотелось уходить. В саду было упоительно, меню оказалось так тщательно продумано, что все были сыты, но никто не объелся, дорогие напитки имели благородное воздействие, гости сделались веселы, но ни один не напился до неприличного состояния. Музыканты играли просто здорово. К наступлению сумерек из сада практически выветрились запахи еды, стало свежо, и хотелось, чтобы удивительный вечер длился до бесконечности.

Я очень живо представила себе идиллическую картину праздника и на минуту даже пожалела, что не смогла на нем

присутствовать. В конце концов, бабу и деда можно было просто не замечать, как они не замечали меня всю жизнь.

– Хотела бы я знать, кто успел рассказать тебе все в таких красках и подробностях, – вложив в интонацию максимум скепсиса, заявила я. – И еще больше хотелось бы понять, какая именно катастрофа имела место? Чего ты приперлась чуть свет? Цену себе набиваешь?

– Мы как раз к ней и подоברались, – пискнула Тайка, и по тому, как она потупила взгляд, я поняла, что я рановато пожалела о своем отсутствии.

– В общем, я не знаю, как тебе все это сказать, – продолжила она, – но, по всей видимости, Стасик готовил отцу какой-то музыкальный сюрприз. Может, поздравительную песенку или что-то такое, теперь уже не узнаешь.

– Почему не узнаешь? – строго спросила я. – Узнать нельзя у покойника, а разве кто-то умер?

– Не перебивай, – окрысилась Тая, – а то ничего не узнаешь. В общем, заиграла какая-то латинская музыка, кто-то стал спрашивать, куда подевался Стас. Да не кто-то... Его приятель, с которым он работает, он его искал.

В саду было установлено несколько небольших софитов, они освещали площадку, на которой расположились музыканты, периодически их поворачивали на лужайку, где танцевали гости, или в сторону стола, когда кто-то просил слова, чтобы произнести важный тост. Стасика пару раз окликнули, он не отозвался, и тогда кто-то – неизвестно, кто именно,

в темноте этого не было видно – направил луч на веранду. И Стасик мгновенно нашелся.

Картина, представшая глазам публики, была до того абсурдной, что в реальность происходящего невозможно было поверить. По саду короткой волной прокатился гул голосов, но дальше воцарилось гробовое молчание. Стасик на веранде был не один – с Ингой. Без пяти минут пасынок одной рукой держал будущую мачеху за волосы, другая терялась где-то в складках ее нарядного платья. Характер движений не оставлял никаких сомнений в том, чем именно занимается парочка, которая секунду назад находилась в полной уверенности, что ее никто не видит, потому что темно, и не слышит, потому что играет музыка. Та часть веранды, где предавались половому удовольствию подлые прелюбодеи, утопала в тени, и свидетелей у тайного совокупления не было бы, если бы не луч света, направленный прямо на то место, где желание застало любовников. Ничего более нелепого нельзя было и придумать. И объяснения сцене, представшей глазам гостей, тоже не было. Разве что молодые люди стремились получить какой-то особенно мощный оргазм, находясь, пусть и невидимыми, в самой гуще людей. Особенную мерзость сцене придал тот факт, что из двоих ее участников испугалась только Инга, а Стас, судя по всему, несмотря на направленный прямо ему в лицо луч, благополучно и с большим удовольствием закончил то, ради чего там оказался.

Сказать, что присутствующие были ошеломлены, это не

сказать ничего. Не все стали свидетелями отвратительного происшествия, но те, кто видел – видели достаточно. Остальные вошли в курс дела мгновенно. Послышался громкий всхлип Инги, после чего она в течение нескольких секунд скрылась в темноте. Стасик неровными шагами удалился в глубь дома: то ли он действительно был пьян, то ли вовремя догадался изобразить алкогольную невменяемость, понимая, какое объяснение ему предстоит с отцом. Михал Михалыч, наверное, с минуту стоял как вкопанный, не шевелясь и, казалось, даже не дыша, потом еле слышно пробормотал извинение и покинул место своего позора. Его матушка хотела последовать за ним, но муж довел ее, плачущую, до ближайшей скамейки и стал вызывать такси. Ее судорожные всхлипывания и попытки последовать за сыном он решительно пресекал строгим: «Не надо! Не трогай его!» Первый молчаливый шок сменился тихими голосами, среди которых были слышны переговоры со службой такси и недоуменные возгласы: «Невероятно!», «Невозможно поверить!», «Всегда был такой хороший мальчик!». Высказывалось предположение, что виной всему перебор по части употребления виски. Еще несколько минут гости переминались с ноги на ногу в саду, выпили для снятия стресса по последней рюмке, потом стали приходить сигналы о подаче такси, и публика стала двигаться к выходу. Разумеется, в такой ситуации прощаться с героем праздника никому и в голову не пришло.

Тая, как носительница плохих новостей, вся скукожилась и сжалась, будто от размеров ее тела зависела тяжесть удара, который она мне нанесла. Будто это она соблазнила невинного мальчика в день рождения его отца, и ей стал невыносим груз собственной вины. Тайкин вид объяснялся на самом деле куда проще: ей стало жалко меня. Меня словно размазало по стулу, на котором я сидела. Должно быть, я выглядела совсем несчастной, и что удивительно – не могла издать и звука. Обычно в критической ситуации я за словом в карман не лезу, адвокат все-таки.

– В общем, как-то так, – подытожила Тая, чтобы пауза не была столь мучительной, – Инга исчезла. Хотя вряд ли кто-то ее искал. Стас дома не ночевал, телефон отключил.

– Еще не хватало, чтобы не ночевал... – прорезалась я. – Тай, ответь, пожалуйста, от кого ты знаешь все эти подробности? Пойми, сейчас не та ситуация, чтобы что-то скрывать.

– Да я не скрываю. От Виты.

Вита (которую на самом деле зовут Викторией) в свое время, собственно, и затянула Стасика в бизнес развлечений. Он не горел желанием учиться, и своей властью отец этого нежелания изменить не мог. Стас болтался между разными темами и направлениями, не в состоянии ни на чем остановиться и осознать, к чему имеет хоть какие-то склонности. С горем пополам мальчика определили получать универсальное образование в платный коммерческий институт на заоч-

ное отделение. Финансово зависеть от отца Стасу не хотелось, и в поисках заработка он потянулся к одному из своих ближайших приятелей – Игорьку Капустину. В то время Вита, старшая сестра Игорька, имеющая несколько специальностей в бьюти-сфере, находилась в состоянии оглушительного конфликта с фирмой, на которую работала. Не буду вдаваться в подробности того, как организован так называемый свадебный бизнес, куда входит и организация самих торжеств, и подготовка невесты. Вита делала навороченные прически и макияжи, у нее были свои фотографии и стилисты, с которыми она сотрудничала. Она работала с фирмой, которая организовывала рестораны, фейерверки, лимузины, музыку и все прочее. А потом оказалось, что ей, несмотря на все ее дипломы и сертификаты, отдавали самые дешевые заказы, да еще и ухитрялись обманывать. Разгорелся скандал, и Вита решила уйти в свободное плавание. Конкурировать с бывшими партнерами ей было бы сложно, и она решила с помощью мальчиков развить собственное направление – организацию вечеринок. Почему обязательно заикливаться на свадьбах, там уже сложилась и сработалась такая «мафия», которую они переиграть не смогут. Игорек и Стасик распределили обязанности и начали с нуля. С первыми клиентами им, кстати, здорово помогли хорошие знакомые Михал Михалыча, согласившиеся поручить проведение корпоративных мероприятий новой молодой фирмочке. Мальчики старались, постепенно стала складываться репу-

тация. Если речь шла о дне рождения или юбилее, Вита была при деле, а вот корпоративные вечеринки поначалу проходили без нее, пока ей не пришлось в голову предложить одной крупной фирме свое участие. Конечно, сделать укладку каждой участнице банкета просто нереально, но если общество не слишком многочисленное, то предложение пройтись специальной пудрой по заблестевшим личикам или подчеркнуть глазки перед фотографированием принималось охотно. С появлением соцсетей женщины стали проявлять болезненный нарциссизм во всем, что касалось публичного предъявления своего незабываемого образа. Вита чувствовала, где прячутся деньги и где нужно копать, чтобы их извлечь. В общем, они сработались. На юбилей Михал Михалыча ее, естественно, никто не приглашал: вместе с Игорьком они были одновременно гостями Стасика и ответственными за проведение мероприятия. Кейтеринг, музыка, свет, обслуживание за столом – все это было незаметно, но это было. Если бы не было, тогда было бы заметно.

Моя Тая хорошо знала Виту, потому что стриглась и красила волосы у нее, наверное, уже лет десять. Тая была непредсказуема в своих планах относительно своего образа, Вита ее понимала, так что они обе держались друг за друга.

– Она там была до последнего, хотя обычно до конца мероприятия никогда не задерживается. Но тут другое дело. Во-первых, просил Стасик, во-вторых, в саду было так хорошо и вкусно, что ей и самой не хотелось уходить.

– Она сообщила тебе о том, что произошло, еще ночью?

– Да, но очень поздно, мы проговорили с ней больше часа.

Они с Игорем искали Стаса. Не нашли.

– Что ж ты мне звонить не стала?

– А смысл? Устроить тебе бессонную ночь? Зачем? Ты ведь все равно ничего не смогла бы изменить. Стас отключился, ты в любом случае не сможешь с ним связаться.

Я машинально потянулась к телефону. Бесполезно.

– Он не ответит, – сказала Тая. – Как ты себе это представляешь? Что он скажет в свое оправдание?

– Но где он может быть?

– Да мало ли... Гостиниц, что ли, в городе нет? Деньги-то у него имеются, неужели не найдет где перекантоваться? Вопрос в том, что дальше. Боюсь, твой отец его не простит. Если бы он ее просто трахнул, еще полбеды, но он его перед людьми опозорил. И жестоко. Нет, не простит.

С каждой минутой ситуация казалась все более драматичной. Постепенно приходило понимание того, что произошло. Мой отец не деспот, не самодур, он не полоумный диктатор и не домашний тиран. Но профессия научила его смотреть на мир под определенным углом зрения. События для него делятся не по признакам: приятное – неприятное, полезное – вредное, мелкое – значительное. С годами для него главным фактором оценки какого бы то ни было действия стал признак «законно – незаконно». Не всегда, но часто это совпадало с пониманием того, что правильно, а что нет.

Что справедливо, а что не очень. Отец не мыслил себя вне жестких норм поведения и принципов, которыми можно или нельзя руководствоваться в жизни. В разговорах он признавался, что законность и справедливость совпадают не всегда, но даже это не повод искать справедливости вне закона. В данном конкретном случае Стасик нарушил все мыслимые и немыслимые нормы, которые для отца были священны. Я адвокат и имею взгляды, несколько отличные от отцовских, но тут ведь любому ясно, что Стас нарушил заповеди, которые никогда не может преступить человек, имеющий совесть. Он не просто предал отца, соблазнив его женщину, он унизил его с изощренной, садистской жестокостью. На празднике, где присутствовали родители, старые друзья, коллеги. В особенный, значительный день. У меня все это не укладывалось в голову, ведь Стасик никогда не был злым. Он любил отца, проявлял дружелюбное отношение даже к посторонним людям. Мне казалось, что его ангельская внешность стопроцентно соответствовала его характеру. Шутник и озорник, да. Но при этом ласковый, даже нежный мальчик. Внимательный, не жадный, всегда готовый поделиться тем, что у него есть. Боже мой, неужели я так ошибалась в оценке брата? Но ведь такого же мнения о нем были все окружающие! Как это могло быть? Ошибаться может кто-то один, но не все вокруг!

Но если мой мозг буквально взрывался от невозможности представить себе степень подлости собственного младшего

брата, к которому была нежно привязана, то думать о том, каково сейчас отцу, было просто невыносимо. Его предали два самых близких человека, его унизили на глазах у тех, кем он, безусловно, дорожил. Конечно, сейчас он опустошен и раздавлен, но меня волновал вопрос: могу ли я что-то сделать для того, чтобы хоть как-то облегчить его состояние? И ведь по телефону этого не выяснишь. Может быть, этого вообще никак не выяснишь, но если уж пытаться, то только лично. Я бы поехала к нему и на костылях, вести машину я не смогу, но неужто я не в состоянии забраться в такси? Вопрос только в том, готов ли отец сейчас разговаривать с кем бы то ни было на столь болезненную тему? Захочет ли он обсуждать все это со мной? Сможет ли? Нетрудно догадаться, что сейчас он подавлен и вряд ли до конца осмыслил произошедшее накануне. Но ведь просто промолчать тоже не годится. Я не могу притвориться, будто ничего не знаю. Не могу сделать вид, что ничего страшного не случилось.

Тайка вскоре ушла, и я осталась один на один со своими размышлениями. Отец тоже наверняка отключил телефон, чтобы не слышать слов сочувствия. Думаю, что в оправданиях он нуждается еще меньше. Как же быть? На всякий случай я все же набрала номер, и на мое удивление отец взял трубку.

– Как быстро расползаются плохие новости, – вместо приветствия сказал он, – ты ведь уже все знаешь?

– Знаю, папа, но ничего не понимаю, – я постаралась со-

хранить спокойный тон, будто речь шла о чем-то обыденном, – вроде бы раньше никто из нас не напивался до такой степени.

– Думаешь, дело в пьянке? – горько усмехнулся он. – Это было бы слишком просто. В любом случае я пока не готов говорить на эту тему, мне нужно какое-то время, чтобы...

– Я все понимаю, папа, я не буду к тебе лезть. Просто я хотела, чтобы ты знал, что мне не все равно, не безразлично то, что произошло.

– Спасибо, я это ценю, Ксения, – отозвался отец, – скажи, а ты не знала Ингу до того, как я с ней познакомился? Кто вас вообще познакомил: я или это произошло когда-то раньше? Постарайся вспомнить.

– Тут и стараться нечего, – уверенно сказала я, – я узнала ее, только когда вы с ней начали встречаться. А ты подозреваешь, что они были знакомы со Стасом раньше?

– Я этого не исключаю. В конце концов, она впервые появилась у нас как подруга кого-то из Стасовых гостей. Вопрос только в том, зачем он привел ее в наш дом? Просто так или с какой-то целью? Ладно, давай пока не будем углубляться. Мне нужно время, сейчас мне хотелось бы побыть одному.

Я порадовалась его выдержке и спокойствию. И хотя это было обычным его состоянием, в гневе и раздражении – и уж тем более в истерике – я его никогда и не видела, но события,

произошедшие вчера, могли служить достаточным основанием для хотя бы частичной утраты самоконтроля. Я отметила, что вряд ли в аналогичной ситуации смогла бы сохранять такое же хладнокровие. Но Михал Михалыч Кондрашов умел держать себя в руках. Это вовсе не означало, что его сердце в этот момент не сжималось от боли, просто он умел этого не показывать. Судейская работа научила его глубоко прятать эмоции. И искать мотивы, причины даже там, где это особенно трудно. Перво-наперво он заподозрил сына и несостоявшуюся жену в том, что их связь – не результат необузданного порыва, не глупая выходка не контролирующих себя пьяных людей. Он предположил, что Стас привел Ингу домой с определенной целью. Познакомить с отцом? Устроить их брак? Но зачем, если он сам спал с ней? Вопросов и так было много, но отец наверняка сформулирует и другие, ведь он жил с веселой парочкой бок о бок и сейчас наверняка вспоминает в мельчайших подробностях все детали их совместной жизни. Может, так и лучше. Пусть лучше работает мозг, тогда сердце имеет шансы не разорваться. Небольшое затворничество пойдет папе на пользу.

Думая об этом, я не знала, что столь необходимое отцу уединение будет прервано самым неожиданным и трагическим образом.

Мне оставалась последняя неделя в гипсе, и я начала постепенно готовиться к выходу «в свет»: вычленила первосте-

пенные рабочие вопросы, покрасила голову, в день снятия гипса запланировала коррекцию ногтей. Я раздумывала над списком текущих дел, когда позвонил дед. Вообще-то первым он звонит мне дважды в год: в день моего рождения и 8 Марта. Если он и делает исключения, то ради каких-то особенных случаев или «по делу». Я удивилась, разговаривать с дедом не хотелось, но я, конечно же, взяла трубку. По его глухому голосу с первых секунд стало понятно, что что-то произошло.

– Ты все еще в гипсе? – хрипло откашлявшись, спросил он.

Трогательная осведомленность деда меня сильно удивила. Оказывается, он знает, что у меня сломана нога! Я не стала это комментировать, просто ответила:

– Последнюю неделю дома сижу, скоро снимут. Что-то случилось? Я тебе нужна?

На миг в трубке воцарилось молчание, однако мне показалось, что на этом фоне стало слышно тихое бабкино поскуливание. Учитывая обстоятельства празднования позавчерашнего отцовского юбилея, мне вдруг стало страшно.

– Там Стасика нашли... – еле-еле выдавил дед, – Миша туда поехал.

– Что значит «нашли»? Кто и зачем его искал? И куда поехал папа? Что случилось, в конце концов!?

– Стасика нашла полиция, – прохрипел дед, – он мертв. Отец поехал туда.

– Как мертв? Что с ним случилось?! Где его нашли?! – закричала я.

– Я ничего не знаю, Миша больше ничего не сказал, только просил, чтобы я сообщил тебе.

– Ты точно больше ничего не знаешь?

– Нет, не знаю, – прошелестел дед и заплакал. Подвывание бабки становилось все громче, и я нажала отбой.

Теснота юридического мира, где все про всех знают, иногда оказывается полезной. У меня ушло не более получаса, чтобы выяснить все, что было известно по интересующему меня на данную минуту вопросу.

На самом деле Стасика нашла не полиция, его обнаружила Люся, которая приходит в клуб «Лунная дорога» ранним утром, проветривает помещения, находит бутылки, оставленные где попало, презервативы, упаковки от гадкой синтетической наркоты, которой тут – на любой вкус, собирает все это добро в большие пластиковые мешки, выносит их на мусорку и только после того приступает к уборке. Первое время брезгливость брала свое, и Люся думала, что долго на этой работе не задержится. Ее корбило от одного вида использованного презерватива, омерзительно было прикасаться к нему даже в перчатках, а если где-нибудь в темном углу она находила шприц, ее охватывало горькое чувство: вот еще одна молодая жизнь скатилась под откос. Потом Люся привыкла. Платили ей хорошо, в других местах уборщицы получают

меньше, а деньги были нужны, на счету каждая копейка. Да и график позволял совместительство. Днем и вечером в «Лунной дороге» шуршали другие уборщицы, молодые, в основном приезжие. Старых и страшных не брали, наверное, потому что молодых пользовали еще каким-то образом. У черного входа, привалившись спиной к стене унылого здания, спал мальчик. Люся только мельком на него взглянула: ясно, что пацан отрубился, но ничего – не зима, не замерзнет. Подобные картины тут не такая уж редкость, хоть охранники и выдворяют всех к моменту закрытия, но случается, что кто-то оказывается не выдворяем. Ну не может человек уйти, что ты с ним сделаешь. Так что не подобранный с вечера живой мусор периодически появляется, с фасада редко, со стороны двора – чаще. Обычно Люся обходила таких «клиентов» стороной, мало ли что им – упоротым – с дурману привидится. Но сейчас Люся присмотрелась: мальчик-то приличный какой, в «Лунную дорогу» такие не ходят. Бывало, вызывали ее во время работы клуба, видела она здешнюю публику. Спящий парень явно не тутошний клиент. Люся на минуту задержала на нем взгляд: светло-бежевый пиджачок явно из дорогих, руки холеные, на безымянном пальце серебряное кольцо с бриллиантом, длинные волосы тщательно промыты, красивой волной спадают на плечи. Татуировок не видно. Лицо... Лицо бледное, чистое, ангельское какое-то... Красивое. Люся осторожно ткнула парня в плечо:

– Просыпайся, утро уже.

Никакой реакции. Ладно, подумала женщина, сам проснется, видно, не отпустило еще.

Люся собрала вчерашнюю дрянь, потащила пакеты в мусорку, бросила взгляд налево от двери. Мальчик все еще сидел, спал. Нет, это не дело, сейчас придет охрана, обдерут его до нитки, карманы обшмонают, возьмут все что есть, кольцо с пальца стянут. Надо будить. Люся дотронулась до плеча, нет реакции, чуток пошумела, тоже не помогло. Может, ему «Скорую» нужно вызвать? Был бы на его месте обычный татуированный придурок с ублюдской рожей, она бы вмешиваться не стала. Так им и надо, обдолбанным козлам. Но мальчик был такой домашний, чистенький, красивый, что просто пройти мимо невозможно – жалко пацана. Люся потрогала ему лоб и в ужасе отпрянула. Для верности еще раз потрясла за плечо, парень завалился на бок, упал. Из кулака выпала маленькая пластиковая упаковка. Тут Люся поняла, что мальчик мертв, и побежала звонить в полицию.

В кармане молодого человека нашли паспорт на имя Станислава Михайловича Кондрашова. Заглянули в его смартфон, увидели фото с отцом, и сомнений не осталось – сын председателя районного суда, причем именно того района, где и найден труп. Позвонили Михаилу Михайловичу, попросили опознать тело. Труп отвезли в морг, а в следственном отделе решили, что, учитывая статус отца, дело обязательно заберут наверх, в управление. Это вопрос часа, от силы двух.

– Тебе надо поехать к отцу, побыть с ним какое-то время, – сказала мама в ответ на мое сообщение, – он ведь там совсем один. Хочешь, я за тобой заеду, отвезу тебя к нему?

– Я не уверена, что он сейчас хочет кого-то видеть, я пока не смогла ему дозвониться.

– В такой ситуации не нужно спрашивать, приехать или нет. Ты его дочь, причем теперь единственный его ребенок, ты должна быть рядом в тяжелую минуту. Ему сейчас нужно будет с кем-то поговорить. Он сейчас не может поверить в реальность происходящего, тебе нужно его поддержать.

– Вряд ли я смогу его успокоить.

– Успокоить его не сможет никто, твое дело просто быть рядом, чтобы он знал, что он не один.

Я положила в сумку смену белья на случай, если останусь ночевать, взяла кое-что из одежды. Пока я то ковыляла, то прыгала на одной ноге, появилась мама. Вид у нее был серьезный и даже печальный. Хотя Стасик и был ей совершенно посторонним человеком, но мама вообще близко к сердцу принимала, когда умирают молодые люди.

– Пока нет никаких подробностей? – спросила она, садясь за руль. – Пристегнись. Тебе удобно?

– Ты про какие подробности спрашиваешь? О смерти Стасика? Я надеюсь услышать что-то новое от отца. Я знаю только название клоаки, где его нашли. И что внешних следов

насильственной смерти нет. Больше пока ничего.

Я рассказала о скандале, произошедшем на папином юбилее, сразу, как только узнала сама, так что мама была в курсе. Тогда она не стала комментировать события, просто сказала: «Фу, какая гадость», и больше мы к этой теме не возвращались. Теперь она, как настоящий юрист, начала сопоставлять факты.

– Стасик с тех пор не появлялся дома?

– Не знаю, мам, думаю, нет. А там уж...

– Странно это как-то. Сначала он выкидывает омерзительный фортель, который, судя по твоим рассказам, совсем не в его духе, причем делает плохо и отцу, и этой девице, и самому себе. Во имя чего? Зачем? Потом неожиданно погибает по неизвестной причине. Как-то все это нелепо и очень странно. Ты веришь в то, что эти события не взаимосвязаны?

– Если честно, нет. Не верю. Но это мы с тобой после обсудим. Сейчас у меня слишком мало информации.

Остаток дороги мы молчали.

Дверь нам открыла заплаканная Клавдия, папина помощница по хозяйству. При виде меня она открыла рот, чтобы что-то сказать, но когда за моей спиной показалась мама – а Клавдия вряд ли могла знать ее в лицо, – домработница предпочла промолчать, только жестом пригласила нас в отцовский кабинет. Я решила отстать от мамы, задержавшись в гостиной, чтобы она выразила свои соболезнования тет-а-

тет. Я-то собиралась остаться, так что могла и подождать. Оказавшись наедине со мной, Клавдия дала волю чувствам – залилась слезами не на шутку.

– Как же так? – причитала она. – Он ведь никогда ничего такого не употреблял, что за бесы его разожгли?

– А откуда известно, что он что-то употреблял? Для экспертизы еще рановато.

– Да я точно не знаю, краем уха слышала, Михал Михалыч говорил... – всхлипывала Клавдия, – может, я не так что-то поняла. Я должна тебе пожаловаться, он не стал обедать и сказал, что не будет ужинать. Я знаю, что потом ему будет плохо. Тебе надо как-то повлиять.

– Постараюсь. Коньяку у вас нет?

– Тебе или ему?

– Мне.

– Есть, конечно, сейчас принесу...

Клавдия вышла, и в этот момент в гостиной показалась мама.

– Иди, дочь, – сказала она и положила мне руку на плечо, – не бойся, он хорошо держится.

– Сейчас, только коньяку выпью.

– У него на столе стоит начатый коньяк, с ним и выпьешь.

– И с ним я тоже выпью, – пообещала я, прислушиваясь, не идет ли Клавдия.

Мама чмокнула меня в щеку и ушла, а я почти залпом выпила свою порцию и поковыляла в кабинет, так и не придумав.

мав, что сказать отцу – коньяк расширил сосуды, но прилива мысли так и не обеспечил...

Оказалось, ничего придумывать было и не нужно. Отец не нуждался в словах утешения. У него было скорбное, осунувшееся лицо, красные глаза, но за своим замечательным, мощным дубовым столом он сидел прямо, внимательно глядя в ноутбук. Подойдя ближе, я увидела, что он листает какие-то фотографии, что-то записывает. Я обняла его за плечи, и он поцеловал мне руку. В словах необходимости не было.

– Клавдия сказала, ты совсем ничего не ел, – все же заговорила я, – желудок будет болеть.

– Это не принципиально, пусть болит, – согласился отец.

– Папа, это не подход, не нужно добавлять проблем, достаточно тех, что уже есть.

– Ты права, моя взрослая умная дочь, – вздохнул отец, – теперь единственная.

У меня навернулись слезы, но давать им волю было нельзя, пусть отец сначала хоть немного поест, поплачем потом.

– Сказать Клавдии, чтобы принесла что-нибудь сюда? Или будем ужинать как взрослые?

– Как взрослые вряд ли, – буркнул отец, – дай бог, чтобы мне хоть что-то в горло пролезло. Давай здесь, заодно посмотрим кое-что.

Из предложенного Клавдией я выбрала свежий хлеб, холодные телячьи котлеты и только что пожаренные горячие

кабачковые оладьи. И оказалась права – отец без протеста съел бутерброд с котлетой и, продолжая поиски в ноутбуке, незаметно смел с блюда несколько оладушков. Я более или менее успокоилась, по крайней мере приступа, который мог бы наступить из-за нарушения режима питания, не будет.

– Ты хотел, чтобы я что-то посмотрела, что ты имел в виду?

– Я уже почти готов. Или даже готов, – сказал отец, отрывая взгляд от экрана, – поставь себе вон тот удобный стульчик и присаживайся рядом. Посмотри свежим взглядом.

– Что это? Твой юбилей? – почти не удивилась я.

– Да, это тот самый пресловутый праздник, который лишил меня и будущей жены, и сына, – серьезно и очень спокойно ответил отец.

Мне оставалось только подивиться отцовскому самообладанию: его предали самые близкие люди, а в его суровой интонации нет ни одной истерической нотки. У него погиб сын, а его голос даже не дрожит, хотя – видит бог – его страдание глубоко и подлинно.

– Что ты ищешь на этих фото?

– Я хочу понять, кто автор и организатор этой шуточки.

– Ты имеешь в виду...

– Да, именно это я имею в виду. Никто не узнал бы, что происходит на террасе, все гости веселились, слушали музыку, танцевали и пили. На террасе было темно. Если бы некто не направил туда луч софита, вся постыдная сцена так и оста-

лась бы тайной. И тут два варианта. Либо этот неизвестный не был уверен в том, что происходит на террасе, мог только догадываться, но степени дерзости любовников себе даже не представлял. Он просто жестоко подшутил. Настолько жестоко, что, наверное, и сам подивился результату. И другой вариант: этот некто знал, что там происходит, и хотел разоблачить эту парочку. Третьего варианта нет. Во всяком случае, я его не вижу.

– Честно говоря, я тоже. Так ты думаешь, что смерть Стаса как-то связана с тем происшествием?

– А ты в этом сомневаешься? – усмехнулся отец. – Она связана в любом случае, какова бы не оказалась причина смерти.

– Я не могу делать предположения, у меня слишком мало информации.

И отец рассказал о том, как было обнаружено тело, как уборщица Люся сочла, что приличный мальчик просто перебрал с алкоголем или каким-то веществом и отключился.

– Видимых следов насильственной смерти нет, – продолжал отец, – следов борьбы тоже. В руке у него был зажат маленький пакетик, его забрали на экспертизу, но предположительно в такие пакетики в этом заведении расфасовывают синтетическую дурь.

– Папа, но ведь наш рафинированный Стасик никогда не посещал подобные заведения!

– Откуда мы можем знать, что он делал и куда ходил. Ока-

залось, мы очень мало о нем знаем, – возразил отец.

– Может быть, но я навела справки: «Лунная дорога» – это низкопробная клоака, дно. Посещение таких мест было не в его стиле. Мне тоже сказали, что там можно разжиться синтетикой, но я уверена, что Стас никогда не употреблял таких веществ. От этой дряни у людей отлетают мозги, понимаешь? Ты когда-нибудь видел его в неадекватном состоянии? Не выпившим, не навеселе, а именно неадекватным? Я думаю, никто его таким не видел, потому что он просто побоялся бы употреблять эту дрянь. Папа, Стас слишком сильно себя любил! Если бы у него нашли кокс, я бы еще могла поверить, но синтетику... Извини, нет. Эту отраву изготавливают для сопляков, у которых нет ни мозгов, ни денег. А у Стаса было и то, и другое.

– Ты права, но нам надо дождаться. Я не исключаю, что таким безжалостным образом он хотел покончить с собой.

– Ты это имел в виду, когда говорил, что его смерть в любом случае связана с тем происшествием на юбилее?

– В том числе и это. С чем-то он не справился: либо со стрессом, либо с чувством вины. И то, и другое могло возникнуть только тогда, на празднике. Если не считать этот эпизод, его жизнь была вполне безоблачной. Я бы даже сказал, легкой.

– Опять же точно мы этого не знаем... Так что ты хотел посмотреть вместе со мной?

– Я хочу в деталях вспомнить все, что было в тот вечер.

И всех гостей, которые были в доме.

– Но ты же сам приглашал их!

– Но в доме были не только те, кого я приглашал. Кого-то приволок Стас, были музыканты, обслуживание... Мне нужно составить полный и очень четкий список. Чтобы никаких сомнений.

И отец стал перечислять мне всех, кто был на фотографиях и небольших любительских видеороликах, я должна была знать всех в лицо.

– Тебе придется рассказать обо всем следователю, папа.

– Сначала я ознакомлюсь с результатами экспертизы. И пусть они сперва допросят свидетелей. После этого я подумаю.

– А что делать мне со всеми этими гостями?

– Просто подумать. Я снабжу тебя краткой информацией по каждой персоне, а ты просто поразмысли, ты умная девочка и с логикой у тебя все в порядке.

– Но я вряд ли умнее тебя, – я пожала плечами, еще не до конца понимая, куда клонит отец, – ты всех их хорошо знаешь, тебе проще делать логические выводы.

– Я не уверен, что и дальше буду так же хорошо держаться, как сейчас, – ответил судья, – и тут, я думаю, нужен взгляд со стороны, в котором не будет примеси личного отношения. «Он не мог!» или «Она не могла!» Как показывает жизнь, мы часто даже не догадываемся, на что способны наши близкие. Стас был твоим братом, твой интерес к причинам его гибели

будет понятен и оправдан. А мне в любом случае придется держаться от этого дела подальше.

– Из-за твоего статуса?

– Ну, конечно.

– Так ты хочешь, чтобы я расследовала причины смерти Стаса? Но ведь я этого не умею.

– Не расследовала, а скорее составила свое мнение на основании подробностей, которые ты могла бы выяснить. А выводы мы уже будем делать вместе.

– Ты не доверяешь официальному следствию?

– Сомневаться в чьей-то компетентности у меня пока оснований нет. Что же касается доверия, то после некоторых событий это для меня вопрос очень непростой.

Мы еще некоторое время поговорили, и я почувствовала, что отцу пора остаться в одиночестве. Он сник, все чаще брал в руки носовой платок, да и коньяк медленно, но верно делал свое дело. Я проводила его в спальню и отправилась в комнату для гостей. Немного поворочавшись и поняв, что заснуть будет непросто, я поковыляла в комнату Стаса. Тихонько открыла дверь, включила бра. Что я хотела там обнаружить? Залежи синтетической дури? Чушь какая.

У Стаса было не убрано, на кровати валялись раскрытые журналы, на стульях болтались брошенные впопыхах майки, в кресле лежала раскрытая книга. Компьютерный стол с крутым ноутбуком украшали пустая бутылка из-под дорогого виски и вазочка с недоеденным арахисом в сахаре. На

прикроватной тумбочке тоже было оборудовано закуское место, по всей видимости, сугубо утреннее, там Стас ел сушеные засахаренные ягоды и запивал их розовым брютотом, о чем красноречиво говорило наличие пустой бутылки, засунутой между тумбочкой и кроватью. Мой взгляд остановился на ярком пятне – огромной фотографии, взятой в рамку, на которой был запечатлен Стас в маске ныряльщика на фоне богатого живого кораллового рифа. Судя по рыбкам-клоунам, которые вились вокруг него, это было Красное море, Египет. Зная Стаса, легко было предположить, что в качестве украшения своей комнаты он выберет фото из какой-то более экзотической страны, но уж больно хорош был снимок: ярко-красные и желтые кораллы, бирюзовая вода, через которую просвечивает яркое солнце, сонмы пестрых удивительных рыбок. Я отвлеклась, глядя на изображение своего брата, но быстро взяла себя в руки. Итак, что я, собственно, ищу? Доказательства его давнего знакомства и связи с Ингой? Теперь я уже и без таковых была уверена, что Инга появилась в доме не случайно и что Стас имел с ней некие отношения. Но какое это теперь имело значение? К пониманию причины смерти брата это не приближало ни на миллиметр.

Какой бы бардак ни царил в комнате, как бы небрежен ни был мальчик в быту, каждая деталь, каждый маленький штришок говорил о том, что хозяин любил себя самозабвенно. Никаких рок-кумиров на стенах, никаких томных красоток

— только собственное фото. Дорогие напитки и лакомства тоже говорили о том, что ребенок не привык себе ни в чем отказывать. На столе валялись без чехла захватанные пальцами солнцезащитные очки из последней коллекции Dolce & Gabbana. Они стоили не меньше четырех сотен евро. Я нормально зарабатываю, но такой дорогой аксессуар никогда не оставляю пылиться без фирменного чехольчика. Хотя у Стаса это были не единственные очки, я видела его в других, не менее крутых. Я открыла шкаф: вся одежда была дорогая, новая, без признаков поношенности. Я все ощупала и пошарила везде, но тайников не нашла.

Пока мы сидели с отцом, версия о самоубийстве не казалась мне такой уж дикой. На юбилее действительно произошло нечто несусветное, и представить себе дальнейшее мирное сосуществование с отцом Стас, наверное, просто не мог. Но могло ли это стать причиной для добровольного ухода из жизни? Сейчас я уже очень сильно сомневалась в этом. Во-первых, брат зарабатывал деньги и вполне мог дистанцироваться от родителя, дожидаться, пока все уляжется, пока гнев судьи угаснет. Ему это было по карману. Во-вторых, я стала сомневаться, что чувство вины перед отцом было настолько велико, чтобы наглотаться какой-то дряни. Если он знал Ингу раньше, значит, и связь их могла быть вовсе не спонтанной, о каком тогда чувстве вины вообще может идти речь? И наконец, Стасик слишком сильно любил себя, чтобы причинить себе вред, тем более смертельный. Версия начала туск-

нет, расплываться, терять очертания. Может быть, отец мог бы найти в ней какое-то утешение, но не я. Я все меньше в нее верила.

На компьютерном столе лежал ноутбук, я уже не первый раз косилась на него взглядом, но представить себе, что папень, имеющий серьезные секреты от отца, будет смываться из дому, оставив доступным пусть и снабженный паролем компьютер, было невозможно. За неимением доступа к виртуальной информации я стала шарить по ящикам стола наугад. Улов не заставил меня заволноваться, содержимое рабочего стола было прозаично до банальности: папки со сценариями праздников, списки клиентов, их пожелания, блокноты с набросками сценариев, счета, выписки с банковских карт. Стоит ли все это изучать? Ответ мог быть только один: стоит, если Стас умер не своей смертью. Если имел место передоз или самоубийство, весь этот хлам не представляет никакого интереса. Надо ждать выводов следствия, однако если сыщики станут склоняться к версии о насильственной смерти – что, конечно, вряд ли, – то и компьютер, и папки будут изъяты, и я уже не смогу в них заглянуть. В верхнем ящике было два блокнота, один практически пустой. Я уже хотела отшвырнуть его за ненадобностью, но на последней странице мне попалось именно то, что я искала: пароли ко входу в ноутбук, соцсетям, сайту Госуслуг, личному кабинету в телекоммуникационной компании и так далее. Стасик не пытался запоминать пароли, он записал их в блокнот. Я посту-

пала точно так же. Одно время я заносила пароли в телефон, однако вовремя спохватилась: если у меня украдут гаджет, то воры заодно получают возможность войти в мой личный банковский кабинет. Я удалила все циферки из смартфона и переписала их в блокнот, лежащий среди внушительной кучи моих рабочих бумаг. Даже самый дотошный домушник не станет в них копаться. Стас рассуждал точно так же. Я включила компьютер, нашла пару свободных флешек и стала копировать все подряд: фотографии, рабочие документы. В соцсетях я покопаюсь позже, из дома.

Возвращаясь к себе в комнату, я решила взглянуть на витражное стекло двери отцовской спальни. Ночник не горел, в комнате было совершенно темно. Неужели судье удалось заснуть? Я очень сомневалась, что мне удастся повторить его подвиг. Если в Стасиковой комнате мои глаза уже начали слипаться, то едва моя голова коснулась подушки, сон улетучился. Отец не верит в то, что Стаса могли убить, и если бы не гнусная выходка братца на юбилее, я бы тоже не верила. Кому мог помешать такой милый, такой безобидный мальчик? Но оказалось, мы все чего-то важного об этом славном мальчишке не знали. Мне стало казаться, что исподволь, как-то исподтишка, отец будет всячески поддерживать версию о передозе. В его интерпретации картина будет такой: Стас совершил ужасный поступок, не знал, как помириться с отцом, пустился во все тяжкие. А поскольку ранее он не употреблял наркотики, он не предвидел, какой будет эффект от синте-

тического зелья, и не сумел правильно рассчитать его дозу.

И тут мне пришла в голову одна очень неприятная мысль. Вернее, пришла она еще утром, но сформулировать ее, признаться самой себе в ее существовании я смогла только сейчас. На самом деле есть люди, которые могли желать Стасику смерти. Это Инга, лишенная им надежды на брак, к которому она стремилась всей душой. Фактически Стасик основательно подкорректировал ее жизненные планы – он их разрушил. Другой человек, который мог страстно желать отомстить предателю, это отец. Поступок Стаса – это не поведение засранца, которого следует наказывать. Это поступок вполне взрослого, беспринципного подлеца, который выставил на посмешище, опозорил и обесчестил родного отца. В понимании судьи это не проступок и не правонарушение, это тяжкое преступление. А его честь судья Кондрашов, кстати сказать, никогда не был убежденным противником смертной казни.

Я сразу же устыдилась своих мыслей. Мне было стыдно и за себя, и за Стасика. Мне хотелось пожалеть отца, но как пожалеешь негиббасемого судью, который в домашней майке выглядит так, словно на нем черная мантия? Я пыталась что-то выжать из себя, но сама не знала, что это должно быть. В итоге я просто расплакалась и не заметила, как заснула.

На следующее утро я отправилась в свою квартиру, дав себе слово, что вернусь в дом отца, только когда у него появятся какие-то новости. Я старательно гнала от себя мысль о том, что судья Кондрашов имел более чем веский мотив для

убийства своего сына, и, чтобы ни взглядом, ни вздохом не выдать себя, решила пока побыть в одиночестве. Отец очень проницательный человек, я просто-напросто боялась, что он меня вычислит, прочтет мои мысли. А если я не права? Да я наверняка не права! Мой аналитический ум настолько явно вошел в противоречие с моими же дочерними чувствами, что я испугалась. А если дочерние чувства – это как раз то, что мешает мне видеть истину? Я, в конце концов, просто молодая женщина, которая любит своего отца и души не чаяла в своем милом сводном братике. При этом я юрист, я очень хороший адвокат, мой мыслительный аппарат устроен строго определенным образом, и по-другому он работать не может. Это две части моей личности, неотделимые друг от друга. Таковы факты, ничего с ними не поделаешь. Единственное оправдание своему смятенному состоянию я видела в том, что у меня крайне мало информации, на основании тех жалких крох, которые я имела, строить версии было безответственно. И тут позвонил отец и велел вечером быть у него. У него были новости. Я пообещала приехать – с меня как раз сняли осточертевший гипс, и я смогла сесть за руль.

Отца я застала за домом, в садике, он сидел в плетеном кресле, задумчиво поглаживая кошку Марфу Васильну, которая удобно устроилась у него на коленях. Дочь Марфы, Ульяна Андревна (строго по фильму «Иван Васильевич меняет профессию»), тоже предпринимала попытки вспрыгнуть на кресло, но у нее все время что-то не получалось: она

забиралась то на поручень кресла, то на спинку, но прилечь рядом с мамашей – а еще лучше вытеснить ее с отцовских коленей – никак не выходило. Уля несколько раз недовольно мяукнула, но Марфа даже ухом не повела. В итоге досталось молодому поколению: крошечный дымчатый котенок, который усердно грыз папину садовую тапочку, получил от мамы Ули незаслуженную оплеуху, ничего не понял, сделал обиженные глазки, но быстро утешился, потому что увидел, как из травы вспорхнула божья коровка. На ротанговом столике, рядом с креслом, стояли глубокое блюдо с черешней, два пустых бокала и непочатая бутылка «Джеймеса».

– Не начинал, ждал тебя, – отец кивнул на виски.

– Я за рулем, папа.

– Это не имеет значения. Переночуешь здесь, потому что нам многое нужно обсудить. У тебя ничего не назначено на утро?

– Нет, я пока относительно свободна.

– Ну и хорошо. Налей по капельке, а то у меня тут Марфа Васильна, ее нельзя тревожить. Я теперь много пью, так что не удивляйся.

Марфа на свое имя никак не отреагировала, зато Уля, как только я угнездилась в кресле, восстановила свое реноме: забралась ко мне на руки, с победоносно-презрительным видом оглядела мамашу и закрепила позицию, немедленно устроившись спать. Котенок, вернувшийся с охоты на божью коровку с пустыми лапами, принялся за старое занятие: на-

чал остервенелю грызть папину тапочку, периодически под-
скакивая в воздух, словно тапochек оказывал ему сопротивление.

Последняя реплика меня удивила: отец был совершенно трезв.

– Новости есть, но не все из них, собственно, новости, – начал он, когда я налила в стаканы виски, – давай начнем с того, что тебе понравится. Следственной группой руководит Сережа Винник, насколько я понимаю, тебе это имя о чем-то говорит...

Еще бы! Сережа, как теперь говорят, мой «бывший», я чуть не вышла за него замуж, вовремя, слава богу, одумалась. Только откуда об этом знает мой отец? Семью с Сережей я не знакомила, официально мы помолвлены не были. Ну, папочка... Я кивнула, и отец продолжил:

– Репутация заведения подтвердилась полностью. Жалкий притон, где обретаются подонки всех мастей в поисках дешевой синтетической дури.

Я давно знала, что такое «Лунная дорога», потому что защищала одного дурака, на которого хотели повесить сбыт синтетических наркотиков. Мальчик был сыном очень влиятельных родителей, за него хорошо платили, но главное было в том, что он действительно ничего не продавал. Тупой малолеток только закидывался самодельной дрянью, при этом даже не знал толком, каков именно будет приход и в чем он будет выражаться. А выражался он по-разному! Дурачок, ко-

торого я спасла от тюрьмы, попался в ходе операции по ликвидации лаборатории, где производили синтетическую отраву. Он, к его счастью, не был в тот момент даже покупателем, просто крутился поблизости. Лабораторию прикрыли, но скоро получили информацию о том, что в городе их несколько, и та, что оказалась «под колпаком», далеко не самая крупная. А «Лунная дорога» фигурировала в деле, потому что дилеры считали ее хорошим, выгодным местом сбыта, там шел активный торг. На время, пока шло уголовное расследование, торговлю прикрыли. Потом она возобновилась, а дилеры ввели новые правила конспирации. Контингент в «Лунной дороге» был специфический – безбашенные, бритые, с ног до головы татуированные недоросли. Стасику там нечего было делать, это точно не его компания. Стасик, который пьет дорогой виски и похмеляется розовым брютотом, мальчик из хорошей семьи, шкаф которого забит шмотками от Армани, любимый сынуля, который ездит пить пиво в Прагу, а купаться на греческие острова – он посетитель клоаки, где барыжат самодельным синтетическим дерьмом? Не поверю ни за что. Даже учитывая то шоу, которое Стасик устроил на юбилее, так стремительно скатиться на самое дно он не мог. Не тот человек. Слишком уж он привык к другому образу жизни и другим стандартам.

– Самое интересное в данном случае вот что. Записи с камер наблюдения, которые установлены в этой клоаке повсюду, были проанализированы, и представь себе, что Стас на

них не запечатлен. Он не был клиентом клуба, понимаешь? Не сидел за столиком, ничего не заказывал, не подходил к стойке.

– Что с его телефоном? Может быть, у него там была назначена встреча? Кто ему звонил?

– Именно этот вопрос первым делом и приходит на ум, но в том-то и дело, что телефон Стаса был отключен, он ни с кем не разговаривал. Учитывая скандал, который произошел ранее, это неудивительно.

У меня голова шла кругом. Если он ни с кем не договаривался, то какого черта он туда поперся?

– А где он вообще был, удалось выяснить? Где-то же он ночевал и жил эти дни? Может быть, у Инги?

– У этой женщины, насколько мне известно, квартира в Северном районе, а айфон Стаса все это время ловил в ночное время сигнал совсем другой станции. Он находился в другой части города. Если они были такие друзья, то не знаю, почему они так быстро раздружились. Но факт есть факт. Дело осложняется тем, что мой сын ранним утром следующего за юбилеем дня снял в банкомате достаточную сумму денег для того, чтобы не оставлять в ближайшее время никаких финансовых следов.

– Папа, но Стас не разведчик и не мафиозо, зачем ему так тщательно замечать следы? Это как-то очень странно.

– Может быть, он и не замечал никаких следов. Просто оказался в каком-то не очень привычном месте, не хотел

лишний раз бегать в поисках банкомата. Может такое быть?

– Наверное, – вынуждена была согласиться я. – Или не хотел, чтобы кто-то что-то про него мог узнать. Что еще? Каковы результаты экспертизы?

– В крови Стаса был обнаружен в высокой концентрации синтетический наркотик, который в определенных кругах называется «фейерверк». Ожидаемый результат, не так ли?

– Ожидаемый, но какой именно наркотик? Тот, который там продают, в этой «Лунной дороге»? Там один какой-то продают или разные?

– В том-то и дело, Ксюша, что вещество, найденное в крови у Стаса, не совпадает по составу с теми, что раньше изымали в этом клубе. Облавы в «Лунной дороге» не редкость, но хозяева научились шифроваться. Однако подростков и молодых людей, для которых принятие дозы плохо кончилось, много. Они оказываются в поле зрения полиции, попадают по «Скорой» помощи в лечебные учреждения. Состав той дряни известен. То, что нашли у Стаса – это нечто другое.

– Принципиально другое?

– Не принципиально, но частично. Либо наркодельцы изменили формулу для пробы, так сказать. Экспериментируют. Либо это что-то вообще иное, и тогда я не имею объяснений.

– Следов борьбы, как я понимаю, нет?

– Ни единого.

– И его не ограбили?

– Трудно сказать, мы же не знаем, сколько у него изначально было с собой денег. При осмотре места происшествия при нем нашли пять тысяч рублей. Может быть, его ограбили и оставили немного денег, чтобы полиция не подумала на грабеж. Но если там крутятся малолетние наркоши, то им не до таких хитростей, они забрали бы все до копейки.

– И что ты обо всем этом думаешь, папа?

– Я думал, ты мне сейчас расскажешь, – усмехнулся он, – давай-ка собираться в дом, скоро будет дождь. Я забираю Марфу Васильну, ты Улю и котенка. Только хватай его сразу, если он подумает, что ты хочешь с ним поиграть, то его уже не поймашь.

– Это Улин сынок?

– Да, всех забрали, а этого я не смог отдать. Он, сволочь, мне, кажется, ногу прогрыз вместе с тапкой, но лучшей психотерапии еще никто не придумал.

– Как его зовут? – спросила я, беря на руки извивающегося котенка.

– Феофан, – произнес папа вполне ожидаемое имя.

– Фантик, стало быть, – влюбленно глядя в глаза котенку, норовившему меня куснуть, заключила я.

Столовая в папином доме была замечательная: просторная, светлая и очень уютная. Камин, удобные диваны, паль-

мы в кадрах, антикварные комодики – тут было все необходимое, чтобы из комнаты вообще не хотелось выходить. Не успела Клавдия подать на стол блюдо с жареной рыбой, действительно пошел дождь, и от его барабанной дробы в комнате почему-то стало еще уютнее. Папа поковырял великолепный на вкус овощной салат, но под моим строгим взглядом кое-как осилил кусок трескового филе. Трудно было не заметить, как он похудел в последние дни, как осунулось лицо, как стала болтаться одежда на тающем теле. Я не считала себя вправе делать ему внушения: во-первых, они все равно окажутся бессмысленными, ведь папа не увлекся какой-то дурацкой диетой, и переубеждать его не надо. Ему плохо, и он будет есть столько, сколько может. Во-вторых, я считала, что взаимоотношения человека с едой – дело слишком личное, даже интимное, вмешиваться в эту сферу не совсем прилично. Аппетит у отца восстановится, когда утихнет первая острая боль, не раньше. Он и сам это осознавал, понимал также, и что оставаться голодным нельзя, поэтому, когда мы уселись на диван пить кофе и виски, перед нами возникла тарелочка с шоколадом, ягодами, орехами. Ах, если бы не трагические события последних дней! Если бы не бессмысленная, глупая смерть Стасика! Какое это было бы счастье – вот так сидеть с отцом в его чудесной столовой, пить великолепный кофе со сливками, закусывать маленький глоточек виски голубикой, гладить пушистого котенка, который наконец изволил уgomониться, слушать убаюкивающий шум дождя и

вести неспешную беседу о юриспруденции, о прочитанных книгах – не важно о чем. Но говорить пришлось о смерти.

– Чтобы в голове сложилась какая-то правдоподобная версия, нужно иметь информацию, а у нас ее мало. Очень мало, папа.

– Но ведь и у следствия ее не больше.

– Это плохо, значит, дело может так и остаться нераскрытым.

– Мы не должны этого допустить. Если в официальных кабинетах чего-то недодумают, мы должны будем подсказать. Исподволь, ненавязчиво, но все же.

– Было бы что подсказывать!

Отец молчал, и это казалось мне недобрый знак. Он слишком потрясен последними событиями, он позвал меня, чтобы я подключила свои мозги, а не жаловалась на отсутствие информации, которое очевидно и без моих замечаний. Надо думать, думать и еще раз думать.

– Давай сначала просто разложим все по полочкам. Согласен?

– Начинай!

– Стас покинул дом в спешке и отключил телефон. Так поступают люди, которые не хотят никого видеть. Одним словом, прячутся. Он снял какие-то деньги со счета, видимо, предвидя, что придется где-то расплачиваться наличными. Возможно, он жил на частной квартире. Через некоторое время кто-то назначает ему встречу в сомнительном клубе,

и он по какой-то причине не отказывается, идет туда, ничего не боится. Значит, человек, назначивший эту встречу, как минимум знал, где находится Стас. В клубе он не имеет никаких контактов с местной публикой, значит, тот, кто назначил ему встречу, и скормил ему таблетки. Общая картина примерно такая, но эта конфигурация содержит огромное количество вопросов, на которые у нас нет ответов.

– У меня тоже масса вопросов, но давай начнем с твоих.

– Хорошо. Для начала я не могу понять, почему Стас повел себя так, будто скрывается от правоохранительных органов. Ему нужно было убраться из дому, с твоих глаз. Но зачем прятаться, будто его ищет полиция? Он боялся, что ты будешь его искать? И будешь использовать все свои ресурсы для этого? Отключение телефона я еще могу понять, ему не хотелось отвечать на вопросы, с кем-то объясняться, он боялся твоего звонка – это тоже может быть. Но если он снимал деньги, значит, ему были нужны наличные. Зачем? Все, кроме наркотиков, можно купить по карте. Дальше я не понимаю, зачем он приперся в этот клуб. Если у него была встреча, то кто тот человек, который ее назначил? Как он вычислил, где прячется Стас? Как он назначил встречу, не имея с ним телефонной связи? Через кого-то? Но через кого именно? И самое главное – зачем? Если Стас умер не по своей воле, то мне совершенно не понятно, кому была нужна его смерть. И как человек, который был в ней заинтересован, чисто технически заставил его выпить сомнительные

таблетки. Стас никогда бы этого не сделал. Но все эти вопросы сразу отпадают, если он совершил самоубийство. Тогда все складывается. Он испытывал чувство вины, боялся встречи с тобой и вообще с кем угодно. Он не представлял, как жить дальше, чувствовал себя изгоем. На этом фоне он, наверное, мог проглотить ту дрянь.

– Ты сама веришь в то, что Стас покончил с собой? – очень серьезно спросил отец.

– По всей логике, выходит так, – пожала плечами я, – хотя Стас так себя любил, что представить его в роли отчаявшегося самоубийцы мне трудно.

– Логика тоже хромает, Ксения, – заявил папа, – сама подумай. Я не верю в то, что страсть между моим сыном и той женщиной возникла спонтанно, и он так легко уболтал ее прямо на мероприятии. Новоиспеченные любовники так себя не ведут. Если бы между ними до того ничего не было, кроме флирта и любовной игры на расстоянии, Инга бы не осмелилась. Да они оба побоялись бы устроить этакое шоу в момент торжества. В том-то и дело, что подобным образом могут повести себя только проверенные любовники, которым не впервой пристраиваться где придется. Которые жаждут новых ощущений, щекочат себе нервы, чтобы сильнее возбудиться. Они никогда не расположились бы на веранде, если бы делали это в первый раз. Так что это было не в первый и не в десятый раз, поверь мне. А если у Стаса была давняя связь с Ингой, то о каких угрызениях совести мы гово-

рим? Он приволок в мой дом свою девку, чтобы выдать ее за меня замуж, это же ясно. У Стаса была какая-то цель. Поэтому угрызений совести не было, могла быть только досада на то, что по пьяному делу они повели себя неосмотрительно. Не сдержались. Может быть, имела место злость на того, кто организовал эту шуточку – направил на них софит в самый интересный момент. Но передо мной Стас не чувствовал себя виноватым. Ему незачем было лишать себя жизни.

– Но ведь вначале ты думал именно так... – заметила я.

– Я просто перебирал разные варианты. Мне до сих пор не ясно, как можно заставить человека проглотить таблетки, которые он не хочет принимать? Если Стаса убили, то как его заставили это сделать?

– Обманом, больше, наверное, никак. Ты думаешь, это могла сделать Инга? Она лишилась будущего – ни много ни мало.

– Все может быть, и это тоже.

– Ее допрашивали?

– Может быть, уже допросили, но тогда, когда собирались это сделать, не смогли ее найти. В квартире ее не было, по телефону разыскать ее также невозможно. Тебе лучше спросить своего горячего поклонника Сережу Винника, он расскажет тебе все как на духу, несмотря ни на какие тайны следствия.

– Сомневаюсь, папа, Сережа отъявленный карьерист, просто так на служебное нарушение он не пойдет.

– Увидим, – усомнился отец, – смотри-ка: Феофана от тебя теперь не оттащишь.

Котенок действительно вцепился в меня мертвой хваткой. Кусочки филе, которые я, разумеется, освободила от обжарки, незаметно от отца угодили прямо в пасть ненасытному малышу и, видимо, очень ему понравились. Так что лучшей подружкой я стала в первые же минуты общения. А когда мы с папой перебрались из-за стола на диван пить кофе, котенок обустроил себе спальное место у меня на животе и стал тестировать меня на предмет, гожусь ли я в мамочки. Я гладила его пушистую головку, тугой животик, котенок блаженствовал, периодически выпуская крохотные, но острые коготки, чтобы «поточить» ими свою лежанку, то есть меня.

– Папа, куда тебе столько кошек? Я хочу забрать Фантика к себе. Отдашь?

– Забирай, – легко согласился папа, – он тебя полюбил.

Фантик как будто понял, что в эту минуту решается его судьба, сладко потянулся, дернул коротким, еще не до конца сформировавшимся котеночным хвостиком и зевнул во всю свою розовую пасть.

– Феофан, ты поедешь жить ко мне?

– Пусть вопрос решится сегодняшней ночью, – заключил папа, – дадим этому созданию право сделать свой выбор. Если он придет ночевать к тебе, то можешь забирать его смело. Значит, это любовь с первого взгляда, такое чувство нужно уважать.

Я немного помялась, чувствуя, что папа от меня чего-то ждет, но не хочет давить. Наконец решилась.

– Папа, я попробую. На сегодняшний день ни одно объяснение не годится, чтобы строить на нем хоть какую-то версию. Все полная чушь. Но мы должны понимать, что в жизни Стаса могло быть нечто, о чем мы вообще не имеем никакого представления. Я попробую это найти.

– Я не сомневался, что ты примешь такое решение. Я, наверное, был не самым лучшим отцом для тебя, но сейчас ты должна дать мне шанс все исправить.

Я заплакала, отец тоже. Котенок Феофан, почувствовав неладное, поднял на меня свои голубые глазки и громко мяукнул. По-кошачьи это, видимо, означало: «Не расстраивайся, я с тобой».

Когда я проснулась, Фантик и впрямь был со мной, свернулся клубочком на подушке, я его сфотографировала на айфон в качестве доказательства, чтобы отец не передумал отдавать его мне. Котенок проснулся, разлепил глазки, вытянул все четыре лапки, зевнул и весело мяукнул.

– Пожрать? Это не здесь.

Я взяла теплый комок в руки, пошла в кухню. Через несколько минут там появился и отец.

– Ты сейчас не сможешь полноценно работать, дочь, – сказал он после того как поприветствовал меня и Феофана, – я сегодня пришлю тебе на карту кое-какие деньги. И не протестуй, если ты будешь занята, ты не сможешь сосредоточить-

ся.

– У меня есть деньги, не надо, – пискнула я.

– Ты обещала дать мне шанс, так исполни свое обещание.

За завтраком отец порекомендовал мне составить четкий план действий и только тогда начинать разрабатывать стратегию своего расследования. И даже посоветовал, с чего лучше начать. Я его внимательно выслушала, полностью согласилась насчет плана, но начинать решила с другого конца. Мы собрали кошачьи пожитки, и я отправилась домой в сопровождении нового члена семьи.

Глава 2

Сережа Винник, на мое счастье, уходил с работы вовремя, не раньше, не позже. Я даже не сразу узнала его: в форме он выглядел представительно и официально. Когда-то он мне сильно нравился, и я даже приняла (неужели это была я?) его предложение. Хорошо, что Сережа, с присущей ему обстоятельностью, раскрыл свое представление о браке до регистрации, а не после нее. Он как маленький, но хитрый щенок долго делил территорию, нащупывал, что он может себе позволить и каковы границы его владений, после чего поделил жизненное пространство между нами по-честному: ему достались права, мне – обязанности. Неблагодарная я не оценила изящество такого дележа, и наши отношения сползли на нет.

– Караулишь, что ли? Хочешь что-то разузнать? – с ухмылкой поинтересовался Сережа, подловленный мною перед входом в Следственный комитет.

– Да нет, – пожала плечами я, – у вас дело-то не движется, как я понимаю, поживиться у вас нечем.

Я с удовлетворением заметила, как он зло сверкнул глазами, и смиренно улыбнулась.

– Скорее хотела спросить, не могу ли чем-то помочь?

– Будешь нужна – вызову, – отрезал Сережа.

– Ингу уже вызвал? И как – пришла? Что рассказала?

– С ней мы пока не беседовали, – потупившись, заметил он.

– Не нужна, наверное? Была бы нужна, уж достали бы...

– Не груби официальному лицу, – смягчился он, – в Турции ваша девушка. Смылась в Стамбул сушить подмоченную репутацию.

– Ну ты смотри, если что, я на связи. Вдруг и правда чем-то помогу.

– Ты только сама в сыщики не играй, ладно?

– Что, опасаясь конкуренции? – поддела я бывшего бойфренда.

– Я серьезно, – устало ответил он, – там, где наркотики, хрен его знает, какие могут быть сюрпризы. Опасно, не надо туда лезть.

– Так ты все-таки не думаешь, что он покончил с собой?

– Ксюха, если честно, я не знаю, рано пока об этом говорить. Самоубийство объяснило бы все, но мальчик не из тех... Я бы скорее предположил передоз, но если бы у него в крови нашли что-то другое, не эту синтетическую отраву.

– А какая разница, чем закидываться? Думаешь, наркоманы озабочены вопросами о качестве и производителях зелья?

– Но ведь он не был наркоманом, у него было единоразовое употребление. И разница есть, поверь мне. Эта синтетика содержит очень токсичные вещества, от них потребители крышами едут не по-детски. Могут из окна прыгнуть, могут

на человека наброситься, вены себе режут, головы разбивают... Все это уже было. Захочешь в подробностях, расскажу.

— Какой ужас, — содрогнулась я, — ну ты иди, я просто хотела тебя повидать, предложить свою помощь, если будет нужна. Не буду задерживать, тебя, наверное, семья ждет.

— Я существую в единственном экземпляре. Миссис Винник пока нет в природе.

— Неужели не женился? Вот уж удивительно!

— А ты?

— Я теперь уже в двух экземплярах.

— Значит, лучше не звонить?

— Отчего же? Звонить можно смело... Вот насчет прихода в гости я не совсем уверена. Ко мне еще не являлись мужчины, так что я не знаю, какой ждать реакции. Он может оказаться ревнивцем.

— Я все понял. Не буду навязываться. Кто счастливец? Я его знаю?

— Нет, не знаешь, ему всего два месяца от роду. Это очень маленький, очень пушистый дымчатый котенок Феофан, в быту Фантик.

Сережа расплылся в улыбке.

— Ну, тогда, может, меня пронесет, и он меня не укусит, если вдруг... — Он смешался, заявлять ли сразу о своем желании набиться в гости.

— А ты постарайся произвести хорошее впечатление.

Мы расстались друзьями, что, конечно, полезно для дела.

Но главное – папа будет доволен. Хотя встреча с Сережей Винником навела меня на мысль о том, что в данный момент, если кто кому и может быть полезен, то скорее я ему, а не он мне.

Получив папины деньги, я основательно засела дома, намереваясь хотя бы несколько дней посвятить тщательной проработке того, что имеется в моем распоряжении. Список гостей, присутствовавших на юбилее, выглядел совершенно неперспективным, вызывал тоску и уныние. Профессор юрфака, заведующий нейрохирургическим отделением больницы, директор крупного агрохолдинга и так далее и тому подобное. Очень взрослые, очень успешные люди, знакомые с отцом по много лет, преданные друзья, с которыми хочется быть рядом. Я вырвала первую фамилию из списка и стала над ней размышлять. Бронислава Станиславовна Лапушкина, папина подруга еще со студенческих времен. По его рассказам, в молодости была сказочно хорошенькой, похожей на куколку, ее не в обиду дразнили «лапушкой», а она, серьезная девушка, страшно обижалась. И в конце концов, доказала всем, что ангельская внешность не помеха развитому уму. Сейчас фамилию Лапушкина знает каждый студент юрфака: Бронислава – доктор наук, профессор, заведует кафедрой криминологии. Или, например, Юрий Алексеевич Безрукий, государственный нотариус, чопорный холеный мужчина с непроницаемым лицом. Отец считает его самым ост-

роумным человеком из всех, кого встречал когда-либо, и нет, по его мнению, никого, кто рассказывал бы анекдоты и забавные истории так, как это делает его старинный друг. Я должна представить себе, как он шутки ради направляет софит в сторону темной террасы? Или как на заднем дворе наркоманской клоаки скармливает таблетки сыну товарища, которого любит с университетской скамьи? Чушь и бред. Но пойдем дальше. Иван Николаевич Остроухов, глава холдинга «Экоптица», друг отца со школьной скамьи. Еще мои дед и бабка дружили с родителями Ивана Николаевича, жили в одном доме, водили мальчишек в одну школу. Это отношения, передающиеся по наследству. Остроухов не стал юристом, как отец, он довольно долго искал себя, пока наконец не выбрал ту сферу бизнеса, которой занимается сейчас. Дружба с этим громогласным улыбчивым мужиком, внешне так отличающимся от вылизанных и зализанных юристов-крючкотворов, была и не детской, и не профессиональной. Они давно жили далеко друг от друга и не пересекались ни в какой своей деятельности. Папа не любил рыбалку, которой болел Иван Николаевич, Остроухов не разделял папиных пристрастий, но они продолжали оставаться близкими людьми. И любили друг друга просто потому, что так бог дал. Отмечали вместе праздники, ели рыбу, которую Иван Николаевич привозил с Волги. И даже я ее ела, даже мне порой перепало. С Владиславом Евгеньевичем Свиридовым, известным нейрохирургом, отец познакомился уже

во взрослой жизни, когда папина жена, красавица Екатерина Сергеевна, получила травму позвоночника, к счастью, не тяжелую. Владислав Евгеньевич, тогда еще довольно молодой врач, ее лечил. Как-то незаметно они нашли общие темы, а потом Екатерина познакомилась с женой своего врача и завязалась настоящая дружба семьями. Веселая, лишенная всякой корысти и заинтересованности, теплая компания людей, общество которых исключительно приятно друг другу. Когда с Екатериной случилось несчастье, друг не успел прийти на помощь, слишком быстро и неотвратимо все произошло. Семейная жизнь у Владислава Евгеньевича складывалась неудачно, несмотря на его исключительные человеческие качества и очень приятную внешность. С первой женой он развелся, потом вновь попытался создать семью, но вторая попытка закончилась трагически, и в этом смысле они с отцом стали еще и друзьями по несчастью. Старенький профессор Пал Палыч Козловский, папин учитель и наставник, тоже пришел на юбилей, и хоть был уже довольно немощен, но отсутствием аппетита не страдал и пил итальянское вино почти наравне со всеми. Ну и, наконец, юридическая чета Воскресенских, навевающая ужас на многих в нашем городе. Олег Владимирович, прокурор района, человек строгих правил, привыкший держать себя в установленных рамках, он часто забывает, вернее, пропускает момент, когда можно снять с себя ограничения и расслабиться. Но если уж он себе это позволяет, то, как говорится, по полной. Они с от-

цом вместе служили в прокуратуре, сидели в одном кабинете, считают друг друга боевыми товарищами. Жена Олега Владимировича Алла Петровна занимает высокий пост в Контрольно-счетной палате. Руководители бюджетных организаций трепещут под ее строгим взглядом. Она весьма элегантная, ухоженная женщина с царственной походкой и взглядом повелительницы. Вне службы, на дружеских вечеринках, пьет наравне с мужиками. Еще она ярая кошатница, и по кошачьей линии они с отцом даже приходится какими-то «родственниками». Кроме вышеперечисленных, в качестве гостей присутствовали родители отца – мои бабка и дед. Бронислава Станиславовна была с мужем, отставным военным полковником, который плохо слышал и смеялся, когда это делали другие, просто ради приличия. Он с удовольствием пил виски, ел баранину с огня. Нотариус явился один, у него имелся кризис в семейных отношениях. Нейрохирург Владислав Евгеньевич, как я уже говорила, вдовец, как и старик Палыч Палыч. Я еще раз изучила фотографии, заметки отца о каждом госте. Все эти люди жили на разных планетах с моим братом Стасом. Они были другого возраста, они были из другого мира. И понятия о шутках у них были разные. Ничто не могло их связывать. С отцом, напротив, был тесно связан каждый, но это были теплые, дружеские отношения, имеющие многолетний стаж. Ни с одним из приглашенных отец никогда не пересекался при неприятных обстоятельствах, ни с кем не было того, что может озлобить

или разделить людей: неразделенной любви, ревности, профессионального соперничества, зависти. Даже дурацкой бытовой ссоры по пьяному делу. Это не значит, что у отца никогда в жизни не было неприятных соприкосновений с людьми, были – и не раз, но не с теми, кого он пригласил к себе на юбилей. Он позвал только тех, с кем отдыхал душой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.